

Ребекка Н. Митчелл

(Rebecca N. Mitchell) — сотрудница кафедры английской литературы Бирмингемского университета (Великобритания). Ее научная и преподавательская деятельность связана с проблемой взаимодействия викторианской литературы и визуальной культуры.
r.n.mitchell@bham.ac.uk

‘Костюми- рованный бал Викторианской эпохи (1870–1900)

Аннотация

Исследователи в целом признают, что викторианский костюмированный бал принципиально отличался от своего предшественника XVIII века — маскарада; однако лишь немногие авторы подробно описывают природу этих различий. В настоящей статье я предполагаю, что эволюции способствовало стремление к карнавальной самопрезентации, сменившее желание укрыться под маской или бросить вызов норме. Маскарадные костюмы поздневикторианской эпохи позволяли не избегать, а скорее взаимодействовать с собственным личностным или социальным «я» и предъявлять публике те или иные их составляющие (в частности, новую для мужчин тягу к вестиментарным удовольствиям), используя спектр хорошо идентифицируемых и одобряемых образов и тропов и подбирая костюмы, тесно связанные с актуальными социальными проблемами. Опираясь на материалы массовых вестиментарных руководств и на ряд современных работ, я исследую репрезентативные

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress,
Body & Culture
(2016. Vol. 21.3)

стратегии карнавалов конца XIX века и функции костюмов, в том числе абстрактных или откровенно гендерно маркированных.

Ключевые слова: Викторианская эпоха; карнавальный костюм; бал; маскарад; Англия.

Поддерживать один и тот же образ в течение целого вечера скучно; произносить сообразные с ним готовые остроты в беседе с каждой проходящей мимо маской невыносимо — короче говоря, быть кем бы то ни было, кроме себя самого, слишком хлопотно. Мы подспудно сознаем, что это нам не свойственно, и поэтому, по здравом рассуждении, этого чуждаемся.

*Lady's Newspaper and Pictorial Times
об отношении англичан к маскараду
(Lady's Newspaper 1856: 161–162)*

В вихре бала-маскарада под прикрытием костюма людям было легче бросить вызов социальным и сексуальным нормам, дать волю желаниям, которые при других обстоятельствах считались бы недопустимыми в приличном обществе¹. Этот тезис стал общим местом в ученой литературе благодаря влиянию Бахтина (Bakhtin 1985), интерпретировавшего карнавал как уникальное пространство инвертирования социальной нормы. Бал-маскарад XVIII века, без сомнения, сближается с карнавальной инверсией семантически и эмоционально. Терри Касл описывает его как локус дестабилизации идентичности, как «коллективное размыщление о „я“ и „другом“ и погружение в их таинственную диалектику». Костюм и маска способствовали «головокружительной экзистенциальной перетасовке», где «истинное „я“ становилось неуловимым и недоступным — несчитываемым» в силу «наложения» «новых тел» на старые (Castle 1986: 4). Таким образом, маскарадный костюм и прежде всего маска служили инструментами остранения и опрокидывания «я»: «Костюм служил идеальным воплощением инверсии самой природы личности», — пишет Касл, — и в «маскарадной риторике... главным тропом была антитеза» (Ibid.: 5). Иными словами, маскарадный костюм выражал «не-я», или сознательно отчужденное «я».

Костюмированные балы следующего столетия, однако, мало походили на эти маскарады, невзирая на общую для них конвенциональность в отношении костюмов. Если участники маскарадов получали возможность выступить в оппозиции к собственному социальному «я», то викторианский костюмированный бал, напротив, предлагал

им шанс выказать его или вступить с ним во взаимодействие. Эта трансформация нашла отражение в самом названии мероприятия, *fancy ball*, поскольку слово *fancy* могло описывать как нечто вымышленное или воображаемое, так и (в функции прилагательного) украшенную, гипертрофированную версию обычного платья². Дэвид Паркер комментировал это различие следующим образом: «Костюмированные мероприятия вырастали из маски и маскарада, но аллегория (сущность маски) или маскировка, прикрывающая фривольность (сущность маскарада), утрачивали здесь былые функции. На костюмированном мероприятии участник представляет себя самого, переодетого кем-то другим» (Parker 2012: 90). Несмотря на общее согласие относительно самого феномена перехода от маскарада к костюмированному балу, вопрос о том, как и ради чего этот переход осуществлялся, по-прежнему недостаточно исследован³. В настоящей статье я постараюсь показать, как маскарадные костюмы поздневикторианской эпохи позволяли участникам балов не отказываться от персональной и социальной самопрезентации, а, напротив, взаимодействовать с ней и раскрывать те или иные составляющие своей личности (в частности, новую для мужчин тягу к вестиментарным удовольствиям), используя спектр хорошо идентифицируемых и одобряемых образов и тропов и, в частности, подбирая абстрактные костюмы, тесно ассоциированные с актуальными общественными трендами. **Продолжение и иллюстрации см. в печатной версии.**